КІЕВСКІЯ ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ВѢДОМОСТИ.

1881 года № 4 28-го января.

Выходятъ еженедѣльно; цѣна годовому изданію 4 руб. съ пересылкою; съ Воскреснымъ Чтеніемъ (выходитъ еженедѣльно) 7 руб.

За напечатаніе объявленій взимается плата за строку или ея мѣсто за 1 разъ по 20 коп., за каждый слѣдующій разъ по 10 коп.

ЧАСТЬ НЕОФФИЦІАЛЬНАЯ.

Вопросъ о малорусскомъ нарѣчіи въ отношеніи къ штундизму. При возобновившихся въ послѣднее время толкахъ о малороссійскомъ нарѣчіи, въ нѣкоторыхъ органахъ печати обнаружена попытка притянуть къ вопросу о немъ вопросъ о штундизмѣ и народныхъ школахъ въ Кіевской епархіи. Попытка безполезная. Предположеніе, будто употребленіе малорусскаго нарѣчія можетъ быть главнымъ средствомъ къ ослабленію штундизма, можетъ родиться развѣ у тѣхъ, которые знаютъ о дѣлѣ по наслышкѣ издали. Какъ самое возникновеніе штундизма въ южныхъ епархіяхъ ни въ какомъ отношеніи не обусловливалось запущенностію или запретностію малорусскаго нарѣчія, такъ и ослабленіе его нисколько не обусловилось бы широкимъ просторомъ для этого послѣдняго. Говорятъ, что штундизмъ не возникъ бы, не достигъ бы такой силы, если бы приходское духовенство держало себя въ большей близости къ народу, говорило съ нимъ, поучало его на родномъ, понятномъ ему языкѣ, каковъ въ южныхъ епархіяхъ—малорусскій языкъ. Если существеннымъ признакомъ или условіемъ близости къ народу считаютъ бесѣду съ нимъ на его родномъ языкѣ, нарѣчіи, то извлечь отсюда что либо въ объясненіе происхожденія штундизма можно развѣ съ большими натяжками. Забываютъ, что многочисленныя секты старообрядства возникали тогда и тамъ, гдѣ духовенство говорило, и большею частію говоритъ совершенно такъ, какъ говоритъ народъ со всѣми оттѣнками мѣстныхъ говоровъ его. Старообрядство, скажутъ намъ,—особь статья. Хотя и во многихъ сектахъ старообрядства есть черты, аналогическія съ штундизмомъ, но мы оставимъ ихъ въ сторонѣ. Укажемъ на секты, имѣющія болѣе сходства съ штундистами, каковы духоборцы, молокане и другіе одного корня съ ними сектанты, состоящіе главнымъ образомъ изъ великоруссовъ, мѣстами перемѣшанныхъ съ малоруссами, но все таки съ преобладаніемъ первыхъ. Какъ лица изъ мѣстнаго приходскаго духовенства, имѣвшаго и имѣющаго дѣло съ ними, такъ и нарочитые миссіонеры, посылаемые къ сектантамъ, превосходно говорили и говорятъ съ ними однимъ общимъ русскимъ языкомъ. Но это обстоятельство не имѣетъ значенія въ результатахъ дѣятельности духовенства по отношенію къ сектантамъ, каковы ни бываютъ эти результаты т. е. благопріятные или неблагопріятные. Духоборцы, отворачиваясь отъ представителей церкви, людей русскихъ и говорящихъ съ ними чисто по русски, восприняли начатки своего ученія отъ людей не русскихъ, говорившихъ съ ними развѣ на ломанномъ русскомъ языкѣ. Да и наши штундисты не напрасно носятъ это названіе, хотя нѣкоторые изъ нихъ, болѣе смышленые, чураются его. Штунду переняли они отъ нѣмецкихъ колонистовъ херсонской губерніи, съ которыми продолжаютъ вести сношенія, переписку (примѣры ея

мы видѣли), которыхъ посѣщаютъ и теперь, не брезгая ихъ нѣмецко-русскою рѣчью, нисколько не смущаясь, что это рѣчь не ихъ родная, не украинская, не народная. Говорятъ, будто наши сельскіе священники въ южныхъ епархіяхъ, напр. Кіевской, не умѣютъ или не желаютъ объясняться съ народомъ, учить его на его родномъ украинскомъ нарѣчіи. Это ложное утвержденіе, повторяемое безсознательно, по невѣдѣнію, или сознательно, по недостатку правдивости, искренности. Чаще всего, обыкновеннѣе всего наши сельскіе священники говорятъ съ своими сельскими прихожанами именно на ихъ привычномъ, мѣстномъ нарѣчіи, украинскомъ, говорятъ при всѣхъ случаяхъ обыденныхъ сношеній, при всѣхъ объясненіяхъ по поводу требоисправленій и т. д. Молодые священники, отвыкшіе предъ тѣмъ отъ малорусской рѣчи во время школьнаго курса, въ первые годы своего священства не всегда принаравливаются къ народному говору, но и это не надолго. Слова, выраженія, обороты обще-русской рѣчи, неизбѣжные въ говорѣ этихъ и многихъ другихъ священниковъ, какъ людей съ извѣстнымъ образованіемъ, съ нѣкоторою начитанностію въ обще-русской литературѣ, нисколько не мѣшаютъ имъ быть понятными для своихъ прихожанъ. Не затрудняются понимать ихъ и быть понимаемыми въ средѣ ихъ и тѣ священники, которые говорятъ на чистомъ русскомъ или великорусскомъ языкѣ, каковы особенно священники изъ великоруссовъ, по разнымъ случаямъ, оказавшіеся на приходахъ въ нашей епархіи. Скажутъ намъ, конечно, то, что бесѣда съ народомъ на его мѣстномъ нарѣчіи въ обыденной жизни недостаточна; надобно, чтобы священники бесѣдовали съ нимъ на этомъ нарѣчіи и тогда, когда говорятъ о предметахъ вѣры, когда наставляютъ ихъ въ вѣрѣ. Но здѣсь мы прежде всего попросимъ обратить вниманіе на одинъ родъ духовно-учительныхъ бесѣдъ сельскихъ пастырей съ ихъ прихожанами: это *бесѣды во время исповѣди*. Многіе изъ свѣтскаго образованнаго общества, быть можетъ, не имѣютъ представленія о значеніи этихъ бесѣдъ. А между тѣмъ оно велико. Народъ нашъ вообще набоженъ, исповѣдь для него дѣло святое. Здѣсь вѣрующій поселянинъ открываетъ свое сердце, таинники своей души, ея скорби и тревоги. А потому и то, что говорится ему здѣсь исповѣдующимъ его пастыремъ идетъ къ его сердцу, ложится на душу. Лучшіе изъ сельскихъ пастырей имѣютъ добрый согласный съ уставомъ церкви, обычай сопровождать исповѣдную бесѣду съ прихожанами наставленіями, внушеніями, совѣтами по поводу открываемыхъ имъ исповѣдующимися слабостей, грѣховъ, печалей и тревогъ душевныхъ. У другихъ подобныя наставленія дѣлаются, быть можетъ, заурядно, механически, холодно, что, конечно, достойно сожалѣнія, но холодность говорящаго согрѣвается теплотой набожнаго настроенія слушающаго. Но какъ бы то ни было, важно для насъ здѣсь собственно то, что исповѣдь покаянія, при своемъ значеніи, какъ таинства, даетъ еще мѣсто духовно-учительнымъ бесѣдамъ пастырей съ прихожанами, бесѣдамъ самаго, такъ сказать, интимнаго свойства, имѣющимъ хотя и незримое, но важное религіозно-воспитательное значеніе. На какомъ же языкѣ бесѣдуютъ сельскіе священники съ прихожанами во время исповѣди? На томъ же, на какомъ и всегда бесѣдуютъ съ ними, т. е. на языкѣ или нарѣчіи мѣстномъ, народномъ. А если такъ, то уже не вѣрно то, будто нашъ южно-русскій народъ не слышитъ религіозныхъ наставленій на своемъ родномъ нарѣчіи, будто отъ этого онъ чувствуетъ себя неудовлетвореннымъ, и ищетъ религіозно-воспитательныхъ вліяній въ сторонѣ отъ церкви и священниковъ, напр. въ сектантскомъ учительствѣ штунды. Констатируемый нами фактъ, что наши сельскіе священники умѣютъ говорить, обыкновенно и говорятъ съ народомъ на его мѣстномъ нарѣчіи, не долженъ быть понятъ въ какомъ либо особенномъ, исключительномъ смыслѣ, напр. какъ признакъ ихъ украинофильства. Объ украинофильствѣ въ его своеобразныхъ притязаніяхъ они и не помышляютъ. Притязанія эти, на сколько они извѣстны и понятны сельскимъ священникамъ, предъ ихъ практическимъ взглядомъ на дѣло, не могутъ быть чѣмъ инымъ, какъ только мечтами. Бесѣдуя съ народомъ на его мѣстномъ нарѣчіи, они не думаютъ отособлять его отъ общерусскаго языка, поощрять это отособленіе, поощрять отособленное развитіе нарѣчія; потому что знаютъ, чувствуютъ безцѣльность и безплодность подобнаго притязанія. Они говорятъ съ народомъ на его нарѣчіи, потому что теперь это еще удобно и нужно, неизбѣжно, но они знаютъ, что народъ хотя медленно, но все таки болѣе и болѣе усвояетъ и обще-русскую рѣчь, не чуждается ея, какъ какой либо несродной, непонятной ему, потому священники, привнося, въ своихъ объясненіяхъ и бесѣдахъ съ народомъ, къ обычной молорусской рѣчи слова, обороты, выраженія изъ обще-русской рѣчи, какъ то было замѣ-

чено выше, хорошо чувствуютъ и сознаютъ, что этимъ не дѣлается какое либо насиліе, стѣсненіе мѣстной народной рѣчи, а только восполняется ея скудость, очищается коренная народная стихія ея отъ приросшихъ къ ней чуждыхъ элементовъ, какъ напр. польскій, что наконецъ этимъ путемъ вырабатывается отчасти и то неизбѣжное сліяніе малорусской рѣчи съ обще-русскою, которое безповоротно рѣшено исторіею и есть только вопросъ времени, хотя и не очень близкаго. Этимъ отношеніемъ къ дѣлу объясняется и то, почему наши сельскіе священники, обыкновенно говоря съ народомъ на малорусскомъ нарѣчіи, не думаютъ однако дѣлать это нарѣчіе *преобладающимъ органомъ церковной проповѣди*.

Проповѣди на малорусскомъ нарѣчіи бывали у насъ издавна. Извѣстны опыты ихъ и въ печати, каковы напр. проповѣди прот. Гречулевича, изданныя уже давно сыномъ его, нынѣ преосвященнымъ Виталіемъ, епископомъ Острожскимъ, викаріемъ волынской епархіи. Есть, вѣроятно, и теперь священники, говорящіе поученія по малорусски. Но вообще они предпочитаютъ говорить на общерусскомъ языкѣ,—и это не по какому либо внѣшнему запрету на малорусскую рѣчь, а по убѣжденію, что здѣсь можно обойтись и безъ нея, что общерусская рѣчь для проповѣди даже удобнѣе малорусской. За это сыплются отъ нѣкоторыхъ господъ упреки нашему сельскому духовенству. Оно, говорятъ, не даетъ народу слышать церковную проповѣдь на живой родной рѣчи его, проповѣдуетъ на мало понятномъ ему обще-русскомъ литературномъ языкѣ, почему народъ, не получая назиданія отъ церковной, пастырской проповѣди, ищетъ ее у своихъ народныхъ учителей, каковы напр. учители штундизма. Эти упреки напрасны. Понятность, степень вліянія церковной проповѣди весьма мало могутъ зависѣть отъ того, говорится ли она на малорусскомъ или общерусскомъ языкѣ. Несравненно важнѣе здѣсь другія условія, въ объясненіе которыхъ входить впрочемъ не станемъ, но которыя, полагаемъ, довольно ясны и для самаго сельскаго духовенства. Вмѣсто всякихъ разсужденій припомнимъ хорошо извѣстный намъ примѣръ двухъ священниковъ-проповѣдниковъ на сосѣднихъ сельскихъ приходахъ, впрочемъ не въ Малороссіи, а Бѣлоруссіи. Одинъ изъ нихъ усердствовалъ говорить проповѣди на мѣстномъ бѣлорусскомъ нарѣчіи и былъ неистощимъ въ этомъ подвигѣ. Другой говорилъ на обще-русскомъ языкѣ, только не по книжному, безъ школьной схоластики, а просто, конечно также и правильно. Послѣдній былъ гораздо более слушанъ и понимаемъ народомъ, чѣмъ первый. Совершенно тоже было бы и здѣсь въ Малороссіи. Не только позволительно, но и полезно сельскому священнику обращаться къ живой малорусской рѣчи для поясненій того, что въ его проповѣди можетъ казаться не понятнымъ; но господствующимъ языкомъ проповѣди долженъ быть также живой, родной, но имѣющій гораздо большую жизненную область обще-русскій языкъ. Проповѣдь не то, что частная бесѣда священника съ прихожаниномъ, хотя бы то и бесѣда на исповѣди. Проповѣдь должна имѣть общеобразующее христіанское вліяніе, расширяющее и возвышающее общій уровень религіознаго созерцанія и пониманія народа, а для этого она найдетъ болѣе сильное орудіе въ простой, обще-русской рѣчи, чѣмъ въ областномъ нарѣчіи, замкнутомъ въ тѣсныя рамки простонароднаго кругозора, не смотря даже на существованіе изящныхъ произведеній на этомъ нарѣчіи. Идя далѣе, мы утверждаемъ, что нѣтъ также надобности пропагандировать въ народѣ евангеліе и другія священныя книги на малорусскомъ нарѣчіи. Евангеліе въ томъ и насколько, въ чемъ и насколько оно понятно народу,—понятно для него въ русскомъ переводѣ. Малорусскій переводъ развѣ на весьма и весьма слабую долю прибавитъ этой понятности, такъ слабую, что изъ за нея не для чего и хлопотать объ этомъ, тѣмъ болѣе, что этотъ недостатокъ понятности, на сколько онъ зависитъ именно отъ языка, можетъ быть устраненъ объясненіями. Обращаясь здѣсь къ штундистамъ, укажемъ на тотъ не безъизвѣстный фактъ, что они читаютъ евангеліе на русскомъ языкѣ, по синодальному изданію и вовсе не чуждаются этого изданія *). Если они въ томъ или другомъ отношеніи не правильно толкуютъ евангеліе, то отнюдь не потому, что не понимаютъ языка евангелія. Тоже они будутъ дѣлать и съ евангеліемъ на малорусскомъ языкѣ. Гогорятъ, будто штундисты добываютъ себѣ евангеліе на

*) Мы знали въ Кіевѣ штундиста, проживавшаго здѣсь въ одномъ монастырѣ около года, куда онъ былъ присланъ для вразумленія. Онъ постоянно читалъ русское евангеліе, и отпущенный на родину пріѣзжалъ потомъ въ Кіевъ для закупки не малаго количества экземпляровъ русскаго евангелія, для чтенія своимъ единовѣрцамъ, потому что, проживъ годъ на увѣщаніи, онъ все таки остался штундистомъ.

малорусскомъ языкѣ изъ сосѣдней Галиціи. Любопытно было бы провѣрить этотъ фактъ во всѣхъ обстоятельствахъ его, его условившихъ. Мы лично, сколько ни распрашивали объ этомъ, не могли дознаться о дѣлѣ настолько, чтобы убѣдиться, что это обращеніе за малорусскими изданіями въ Галицію исходитъ изъ неудовлетворенности русскимъ изданіемъ Евангелія, что оно можетъ даже принадлежать свободному почину самихъ штундистовъ *). Кромѣ Евангелія и священныхъ книгъ есть у штундистовъ и другія книжки и брошюры религіозно-нравственнаго содержанія, также духовные стихи и пѣсни. Нѣкоторую коллекцію ихъ намъ приходилось разсматривать. Всѣ они—не на малорусскомъ, а на русскомъ языкѣ, и получены большею частію отъ агентовъ изъ С.-Петербурга, составляя изданіе тамошнихъ протестанствующихъ кружковъ. Говорятъ, что штундисты отнюдь не брезгаютъ этими изданіями, хотя это и не малорусскія изданія. Даже молятся штундисты, какъ сказывали намъ, не по малорусски, а по русски или по славянски. Есть у насъ и образцы переписки штундистовъ между собою. Переписываются они опять не по малорусски, а по русски, хотя конечно съ большими ошибками по отношенію къ орѳографіи, грамматикѣ. Только разговариваютъ они между собою, конечно, по народному по малорусски. Малорусская рѣчь, въ качествѣ органа церковной проповѣди, вообще церковнаго учительства, не можетъ быть особенно важнымъ средствомъ ни къ ослабленію штундизма, ни къ пресѣченію дальнѣйшаго распространенія его. Гораздо болѣе важны здѣсь другія средства. Охотно соглашаемся, что наши замѣчанія по поводу попытокъ связать вопросъ о малорусскомъ языкѣ съ вопросомъ о штундизмѣ, касаются дѣла лишь съ самыхъ общихъ сторонъ, не заходя въ его подробности. Но вѣдь такой же характеръ общихъ, чисто теоретическихъ сужденій имѣетъ и все то, что недавно стали говорить въ нѣкоторыхъ органахъ печати по поводу предполагаемой связи возникновенія и развитія штундизма съ запретностію или запущенностію малорусскаго языка. Если искатели этой связи скажутъ намъ что нибудь болѣе положительное, основанное на опытѣ, на живой дѣйствительности; то мы не опустимъ принять это къ свѣдѣнію и для повѣрки.

*) Впрочемъ, не полагаясь на слухи, мы очень просили бы священниковъ или другихъ лицъ, живущихъ въ сосѣдствѣ съ штундистами, собрать болѣе точныя свѣдѣнія, на сколько у штундистовъ въ ходу малорусскія изданія евангелія если оно есть, а также и откуда и какъ добыты они. Само собою разумѣется, что собраніе такихъ свѣдѣній отнюдь не должно имѣть цѣлію—какое бы то ни было преслѣдованіе этихъ изданій, преслѣдованіе это было бы не разумнымъ, не цѣлесообразнымъ дѣломъ. Сообщеніямъ о малорусскихъ изданіяхъ свангелія у штундистовъ мы охотно дадимъ мѣсто на страницахъ „Еп. Вѣдомостей“.

Славянофилы и нашъ церковный вопросъ *). По церковнымъ собственно дѣламъ нашимъ славянофилы выступили въ первый разъ съ своими заявленіями въ лицѣ Д. Ѳ. Самарина, брата знаменитаго покойника славянофила Ю. Ѳ. Самарина, въ декабрѣ 1879 года на московскомъ губернскомъ земскомъ собраніи. Д. Ѳ. Самаринъ предлагалъ московскому земству, въ видахъ возвышенія религіозно-нравственнаго образованія народа, ходатайствовать предъ правительствомъ объ отмѣнѣ распоряженія о закрытіи малыхъ приходовъ и припискѣ ихъ церквей къ другимъ, и съ своей стороны позаботиться объ увеличеніи жалованья священникамъ-законоучителямъ сельскихъ школъ за ихъ трудъ до 1 рубля за урокъ. Основаніями предложенія выставлены были съ одной стороны важное значеніе церквей, какъ училищъ благочестія, а съ другой несправедливость требовать отъ священниковъ-законоучителей усерднаго труда при плохой за него платѣ. Въ тоже время В. Ю. Скалонъ, о принадлежности коего къ славянофильской партіи намъ неизвѣстно, заявилъ о необходимости вывести служителей церкви—приходское духовенство изъ его униженнаго положенія, посредствомъ улучшенія его матеріальнаго быта, и пригласилъ представителей земства принести свою лепту на это дѣло. Чтоже вышло? Московское губернское земское собраніе, состоящее навѣрное въ громадномъ большинствѣ изъ столбовыхъ дворянъ, богатыхъ помѣщиковъ, единогласно одобрило оба предложенія г. Самарина, мало того, выказало большую охоту толковать о программѣ и лучшихъ пріемахъ преподаванія закона Божія въ народныхъ школахъ, пока кто то не охладилъ усердія ораторовъ указаніемъ на ихъ некомпетентность въ этомъ дѣлѣ, и столь-же рѣшительно отклонило предложеніе В. Ю. Скалона, подъ предлогомъ особой важности предмета, требущаго серіознаго обсужденія. Рѣшеніе нѣсколько странное въ глазахъ тѣхъ, кто обращаетъ вниманіе не на фразы,

*) См. № 3.

а на реальныя вещи: предложенія г. Самарина или вовсе не требовали жертвъ со стороны достопочтенныхъ земскихъ представителей (первое предложеніе) или требовали такъ мало, что и говорить не стоило (прибавка жалованья законоучителямъ народныхъ школъ; да и прибавка эта могла пойти въ пользу свѣтскихъ законоучителей, о замѣнѣ коими священниковъ усердно подымали рѣчь другія земства). И какое горячее усердіе къ религіозно-нравственному образованію народа! Пригласили ихъ къ принесенію лепты, и слышатся иныя пѣсни, раздаются рѣчи объ особенной важности предмета, требующаго серіознаго обсужденія, но не вызвавшаго послѣдняго, а устранившаго совсѣмъ самый вопросъ, такъ несвоевременно поднятый В. Ю. Скалономъ и такъ напугавшій усердныхъ земцевъ. Конечно, кто привыкъ усердіе къ вѣрѣ или отечеству измѣрять реальными жертвами (пожертвованіями имуществомъ, трудомъ, предразсудками сословными и иными, наконецъ своею личностію), а не высокопарными рѣчами или добрыми пожеланіями, коими вымощенъ адъ, тому усердіе московскихъ земцевъ не покажется цѣнно и даже напомнитъ собою ревность римскихъ вельможъ временъ республики, не вѣровавшихъ ни въ Божество, ни въ безсмертіе души, но заботливо поддерживавшихъ вѣру въ старыхъ національныхъ боговъ въ простомъ народѣ... по соображеніямъ совсѣмъ не идеальнаго свойства, тотъ невольно подумаетъ, что въ этой исторіи славянофилъ, пожалуй, послужилъ той внутренней лжи, которая такъ противна славянофильству.

Ровно черезъ годъ тотъ-же Д. Ѳ Самаринъ и также въ московскомъ губернскомъ земскомъ собраніи провелъ предложенія, затрогивающія уже гораздо глубже нашу церковную жизнь, можно сказать перестанавливающія центръ тяжести въ ней. Поводъ къ предложеніямъ былъ замѣчательный: В. Ю. Скалонъ личность, всегда возвышающая свой голосъ тамъ, гдѣ дѣло идетъ о благотворительности, соединенной съ жертвами, и объ уваженіи къ чувствамъ и правамъ людей, хотя бы и раскольниковъ,—въ виду голодовки настоящей зимы, предложилъ ассигновать изъ продовольственнаго капитала извѣстную сумму для выдачи безвозвратныхъ пособій нуждающимся, но предложеніе это было отклонено большинствомъ 22 голосовъ противъ 11*). Тогда-то и выступилъ г. Самаринъ съ своимъ заявленіемъ, сущность коего состояла въ слѣдующемъ: „предложеніе гласнаго Скалона было де отклонено не потому, чтобы собраніе думало высказываться въ принципѣ противъ благотворительности, а потому, что предложеніе это не было обставлено достаточными гарантіями того, что деньги, которыя могли быть ассигнованы, получатъ желаемое назначеніе“. Нужда въ благотворительности будетъ всегда и потому дѣло благотворенія требуетъ не только правильной, но и постоянно-дѣйствующей организаціи“. „Конечно, земскія и городскія учрежденія могутъ отчасти исполнить и эту задачу, но задача земства по преимуществу ходатайственная, экономическая, а не благотворительная. Нужно найти такое учрежденіе, которое бы стояло близко къ народу, для котораго благотворительность была бы вполнѣ естественною, вытекала бы изъ самой идеи, одушевляющей это учрежденіе. Единственная общественная единица, вполнѣ удовлетворяющая этой задачѣ, есть приходъ“. Но въ какихъ условіяхъ находится приходъ? Въ самыхъ неблагопріятныхъ. Приходъ въ смыслѣ юридическаго лица не признается закономъ. Онъ не можетъ пріобрѣтать имущества; хотя каждый прихожанинъ можетъ сдѣлать на церковь пожертвованіе, но законъ не обезпечиваетъ жертвователя въ томъ, что его пожертвованіе останется при той церкви, для которой сдѣлано, а указываетъ, что оно составляетъ достояніе всей церкви. Имѣетъ ли приходъ право завѣдывать имуществомъ церковнымъ? Онъ имѣетъ право избирать старосту, но староста не отвѣчаетъ предъ приходомъ за свою дѣятельность, а является лицомъ чиновнымъ, отвѣтственнымъ только предъ епархіальнымъ начальствомъ. Имѣетъ ли приходъ право рекомендовать хорошаго человѣка во священника? Нѣтъ. А между тѣмъ это право прихода древнее и признавалось за приходомъ до начала настоящаго столѣтія. За тѣмъ слѣдуетъ ссылка на инструкцію благочиннымъ митрополита Московскаго Платона». На всемъ Востокѣ право избранія священника принадлежитъ приходу. Чтобы въ приходѣ снова возникла жизнь и получила правильное теченіе, необходимо признать за приходомъ это право“, а то теперь священники «стоятъ внѣ всякаго нравственнаго воздѣйствія со стороны прихода. При этомъ г. Самаринъ указалъ на печальные примѣры борьбы со старостами церковными и т. п.» Тогда къ приходу можно было бы пріурочить и дѣло благотворительности. Тогда, увѣряетъ г. Самаринъ „и церковь, которую мы исповѣдуемъ соборною, получитъ условія полнаго единомыслія и единодушія“.

---

*) Передаемъ дѣло по разсказу о дебатахъ Московскаго губернскаго земскаго собранія, помѣщенному въ № 352-мъ „Московскихъ Вѣдомостей“ за 1880 годъ.

Тогда будетъ все хорошо, потому что „правильное развитіе церковной жизни въ этой первичной единицѣ (приходѣ) должно отразиться на жизни всей церкви". На основаніи всѣхъ этихъ соображеній г. Самаринъ и предлагаетъ московскому, губернскому земскому собранію «ходатайствовать о томъ: а, чтобы приходы, въ смыслѣ приходскихъ обществъ, были признаны за юридическія лица; б, чтобы было возстановленно древнее право приходовъ избирать людей честныхъ и достойныхъ въ должность священниковъ, настоятелей къ ихъ церквамъ и представлять о томъ заручныя прошенія мѣстному епископу; в, чтобы за приходомъ признано было право всякими, закономъ дозволенными средствами, пріобрѣтать и укрѣплять за собою имущества какъ движимыя, такъ и недвижимыя; г, чтобы имущество каждой приход. церкви было признано за неотъемлемую ея собственность и чтобы оно находилось въ завѣдываніи мѣстнаго приходскаго общества и д, чтобы въ этомъ смыслѣ дарована была организація приходскимъ обществамъ какъ городскимъ, такъ и сельскимъ, причемъ само собою разумѣется, что къ этимъ обществамъ не должны быть принудительно привлекаемы раскольники, живущіе въ приходѣ, хотя бы они оффиціально въ немъ и числились". Предложеніе г. Самарина земскимъ собраніемъ, того же состава, что и въ 1879 году, было принято единогласно.

Не будемъ пока обсуждать это предложеніе г. Самарина по существу; оставимъ подробный разборъ до полнаго сгруппированія всѣхъ деталей предлагаемой славянофилами церковной реформы. Но не можемъ никакъ не обратить здѣсь же вниманіе на странность, можно сказать двусмысленность въ цѣломъ всей этой исторіи съ предложеніемъ г. Самарина. Голодовка въ народѣ, требующая немедленной помощи и именно отъ земства, несомнѣнно обязаннаго это сдѣлать по закону, не смотря на ораторскіе пріемы г. Самарина, усиливавшагося обязанность эту поставить въ тѣни. Но ораторъ, а за нимъ и земство ставятъ вопросъ будтобы шире,—они имѣютъ въ виду организовать дѣло благотворительности на все будущее время, за исключеніемъ только настоящей голодной поры, забывая очевидно великорусскую пословицу: „лучше синица въ рукахъ, чѣмъ журавль въ небѣ" и другую—малорусскую: „поки сонце зійде, роса очи выисть". Но земство приняло видъ Ивана, кивающаго на Петра: вонъ-молъ чье это дѣло, благотворительность—прихода, и затѣмъ заботливо устраиваетъ дѣла этого Петра. Обѣщаетъ ли по крайней мѣрѣ земство, слѣдомъ за ораторомъ, во исполненіе своей обязанности, хоть на будущее время придти на помощь приходу въ нелегкомъ дѣлѣ благотворенія? Объ этомъ ни слова; вѣроятно потому, что, по мнѣнію Ивана (т. е. земства), Петръ-то (приходъ) богатъ; только его деньги по существующимъ законоположеніямъ идутъ не туда, куда желаетъ ихъ направить первый. За то какое усердіе на слова и соображенія въ ревности по вѣрѣ и церкви! Спросимъ также, по какому это идеалистическому пониманію вещей назначеніе на мѣсто и смѣщеніе, равняющіяся въ данномъ случаѣ подачѣ и лишенію куска хлѣба, выходятъ нравственнымъ воздѣйствіемъ? Послѣ этого пожалуй и соціалисты скажутъ, что предлагая общій грабежъ собственности, они имѣютъ въ виду нравственное воздѣйствіе на собственниковъ! Не удивляемся въ этой исторіи земцамъ, давно уже своими дѣйствіями пріучившимъ читающихъ газеты ничему не удивляться. Но г. Самаринъ?... но славянофилъ?... о, приснопамятные отцы славянофильства! Нашли ли бы вы ту внутреннюю правду, которую вы такъ пламенно любили, которую вы прежде всего искали во всемъ, даже въ томъ, что на взглядъ кажется красивымъ и благонамѣреннымъ?

Ужъ славянофилъ ли Д. Ѳ. Самаринъ, не смотря на кровную свою близость къ Ю. Ѳ. Самарину? Вѣдь упоминаетъ же французскій писатель о Россіи Леруа-Болье о какомъ-то князѣ, родственникѣ Самариныхъ, бывшемъ настолько же отъявленнымъ крѣпостникомъ, насколько ревностнымъ защитникомъ свободы крестьянъ былъ незабвенный Ю. Ѳ. Самаринъ. Но нѣтъ... славянофильство г. Самарина остается внѣ всякаго сомнѣнія, послѣ того какъ И. С. Аксаковъ съ восторгомъ привѣтствовалъ вышерѣченное постановленіе московскаго земства въ 7-мъ № своей „Руси". Стало быть, въ предложеніи г. Самарина мы должны видѣть общее дѣло представителей славянофильства. Стало быть... нѣтъ намъ жаль на счетъ представителей славянофильства записать двусмысленность условій, окружавшихъ предложеніе г. Самарина. Но обратимся къ заявленіямъ И. С. Аксакова.

Еще прежде засѣданій московскаго земства И. С. Аксаковъ высказался въ «Руси» противъ бюрократизма, чиновничества и казенщины, обуявшихъ будто-бы русскую церковь реформъ Петра Великаго, причемъ высшихъ іерарховъ онъ сравнилъ съ сановниками свѣтской бюрократіи, а простое духовенство—съ мелкими чиновниками. Въ добавокъ онъ выразилъ недоумѣніе при видѣ стремленій низшаго ду-

ховенства оградить себя отъ возможнаго произвола сверху юридическими формальностями, находя ихъ не соотвѣтствующими духу церковной жизни, въ коей все должно-де опредѣляться чувствомъ любви, а не регламентаціей. Конечно, подобныя рѣчи не новость въ славянофильской партіи и по своей общности не даютъ спорнаго пункта для обсужденія ихъ съ практической стороны. За то стоитъ напечатлѣть въ памяти мысль о несоотвѣтствіи духу церковной жизни внѣшней регламентаціи, впрочемъ только потому, что И. С. Аксаковъ слишкомъ скоро забылъ объ ней.

Что-же такое въ самомъ дѣлѣ, какъ не полная перемѣна фронта это одобреніе И. С. Аксаковымъ въ 7-мъ № „Руси" постановленій московскаго губернскаго земскаго собранія, да еще и съ приглашеніемъ другихъ земствъ послѣдовать примѣру московскаго, такъ какъ ходатайство этого послѣдняго имѣетъ цѣлію именно установленіе новыхъ законовъ въ области церковной жизни, къ тому же еще посредствомъ вторженія мірской руки въ церковныя отношенія? Впрочемъ и въ самой передовой статьѣ № 7 въ рѣчи о необходимости признанія за приходомъ права юридической личности, прямо сказано: „Очевидно, что право прихода въ области дѣлъ „міра сего"—должно быть ограждено закономъ". Но не будемъ пока ни обсуждать, ни тѣмъ болѣе осуждать эту перемѣну фронта—послѣднее потому, что мы считаемъ ложною въ основѣ именно прежнюю мысль И. С. Аксакова, какъ будто добрые законы представляютъ помѣху добрымъ чувствамъ или возвышеннымъ идеямъ—, такъ какъ теперь наша задача извлечь и сгруппировать всѣ мысли о церковныхъ дѣлахъ, высказанныя въ послѣднемъ заявленіи И. С. Аксакова.

Прежде всего укажемъ на одно важное, очень даже важное дополненіе къ проэкту г. Самарина и московскаго земства, сдѣланное И. С. Аксаковымъ, хотя, по видимому, болѣе по добротѣ сердечной, чѣмъ по сознанію каноническаго и культурнаго значенія его. Тогда какъ въ первомъ приходы въ экономическомъ отношеніи и въ дѣлахъ благотворительности представляются совершенно изолированными другъ отъ друга и отъ всей церкви, мало того высказана особенная антипатія къ закону, признающему-де пожертвованіе, сдѣланное въ пользу той или другой приходской церкви, достояніемъ всей церкви, И. С. Аксаковъ не упускаетъ изъ виду и идею единства церкви. „Само собою понятно", говоритъ онъ, «что тѣ дѣла, гдѣ необходимо совокупное дѣйствіе всѣхъ приходовъ какой-либо епархіи, могутъ и должны быть разсматриваемы и вершаемы на *епархіальномъ съѣздѣ или соборѣ* представителей всѣхъ приходовъ какъ причта, такъ и мірянъ". Въ связи съ этой идеей стоитъ и указаніе на то, что „едвали не всѣ предметы вѣдѣнія" съѣздовъ духовенства „подлежатъ вѣдѣнію, наравнѣ съ причтомъ, и прочихъ членовъ церкви-мірянъ, въ одинаковой съ нимъ степени заинтересованныхъ и въ избраніи добрыхъ благочинныхъ, и въ процвѣтаніи духовныхъ учебныхъ учрежденій". Значеніе этого дополненія къ московскому проэкту будетъ нами разъяснено въ своемъ мѣстѣ.

Далѣе укажемъ на защиту въ „Руси" московскаго земскаго проэкта противъ „либераловъ", начитавшихся „въ разныхъ книжкахъ о властолюбіи духовенства, объ его значеніи, какъ цѣлой общественной, нравственно-господствующей стихіи", и противъ людей, держащихся „вообще извѣстнаго воззрѣнія на религію только какъ на „субъективное" какое-то произвольное чувство, въ родѣ личнаго вкуса, лишенное серіознаго значенія въ общественной жизни. „Изъ нихъ первые, по словамъ И. С. Аксакова, въ ожидаемомъ имъ отъ осуществленія московскаго земскаго проэкта оживленіи у насъ церковности, „въ смыслѣ дѣятельнаго отношенія вѣрующаго къ церкви, какъ ея сына и члена", могутъ-де пожалуй увидѣть возникновеніе «клерикальнаго вопроса въ Россіи» и «культурной борьбы», а вторые уже высказываютъ «боязнь, чтобъ приходская община не упразднила и не замѣстила собою крестьянской общины и самоуправленія и не обратилась сама въ нѣмецкій кирхшпиль». Тѣмъ и другимъ „Русь" указываетъ, что „стихія церковности, объемлющая не одну іерархію, но и мірянъ или народъ, и есть именно самое сильное противодѣйствіе вредному преобладанію начала клерикальнаго, отвѣчая въ тоже время требованіямъ самой истины, зиждущей церковь. Въ самой природѣ православной церковности, прибавляетъ „Русь", нѣтъ никакихъ началъ антагонизма и раздора между пастырями и паствой, между клиромъ и мірянами,—и если этотъ антагонизмъ, не какъ случайное, частное явленіе, а какъ начало и внѣдряется-де въ послѣднее время, такъ опять-таки благодаря вторженію иноземныхъ началъ при Петрѣ Великомъ и его преемникахъ". Вторымъ спеціально „Русь" отвѣчаетъ, что опасность искуственнаго смѣшенія прихода и сельской общины предотвращена въ ходатайствѣ московскаго земства, но что съ другой стороны не было бы и бѣды въ томъ,

если бы крестьяне разныхъ деревень, тамъ гдѣ границы прихода и волости совпадаютъ, „сходясь вмѣстѣ къ обѣднѣ, могли по окончаніи обѣдни, вершить и общественныя свои дѣла". Будьте-де увѣрены, присовокупляетъ „Русь", что «общинный міръ, какъ вѣка тому назадъ, такъ и теперь судилъ и рядилъ бы всегда независимо отъ церковнаго причта и *никогда бы не дозволилъ ему* вступиться въ свои мірскія дѣла. Да и причту, можно навѣрное поручиться, такого притязанія никогда и въ голову не входило.

Впрочемъ, по мнѣнію самаго И. С. Аксакова, «всѣ приведенныя возраженія противъ возстановленія приходскихъ единицъ и признанія ихъ юридическими лицами сами по себѣ безсильны, и не они помѣшаютъ успѣху ходатайства московскаго земства»—мнѣне,і замѣтимъ, вполнѣ справедливое, а почему? укажемъ ниже, но ужъ во всякомъ случаѣ не потому, почему думаетъ И. С. Аксаковъ. Отъ кого же онъ ждетъ оппозиціи? „Развѣ отъ той части духовенства, которая уже заразилась—не клерикализмомъ, нѣтъ! а духомъ и вкусомъ бюрократизма, казенщины и чиновничества; въ частности главнымъ образомъ съ высшаго духовенства, которое „чуждаясь соборной стихіи, составляющей неотъемлемое свойство нашей церкви, а прилѣпившись къ западу" на отношенія пастырей къ паствѣ смотритъ съ ревнивой точки зрѣнія, какъ на отношеніе начальниковъ (въ новомъ изданіи платоновской инструкціи благочиннымъ епископы прямо названы епархіальными начальниками) къ подчиненнымъ", а за тѣмъ отъ нѣкоторыхъ изъ среды столичнаго бѣлаго духовенства, находящихся подъ воздѣйствіемъ „новыхъ вѣяній" и проникнутыхъ вреднымъ духомъ «корпораціи, ревностію по той особенности, которою вздумали было ее надѣлить въ послѣднюю пору и которая уже привела къ такимъ печальнымъ столкновеніямъ между церковными старостами, прихожанами и священниками, какія мы видѣли и съ истиннымъ прискорбіемъ еще продолжаемъ видѣть здѣсь въ Москвѣ.

Замѣтимъ и нѣкоторыя заявленія и мысли И. С. Аксакова, лишь косвенно относящіяся къ дѣлу: похвалу жизненности церковности у старообрядцевъ, сильной не только вслѣдствіе долгой замкнутости и сплоченности ихъ религіозныхъ общинъ, но, главнымъ образомъ, вслѣдствіе живучихъ у нихъ могучихъ преданій давней, еще цѣльной русской старины"; мысль, будто безличность (т. е. отсутствіе правъ) парализовала церковныя Попечительства; наконецъ увѣреніе, будто *правильное* разрѣшеніе трудной задачи объ обезпеченіи бѣлаго духовенства въ Россіи, вмѣстѣ съ устраненіемъ тѣхъ формъ обезпеченія, которыми тяготятся и лучшіе священники и прихожане,—задачи, ради которой тысячи храмовъ закрыто и сотнямъ тысячъ людей затруднено посѣщеніе церковной службы,—возможно только съ возрожденіемъ жизни приходовъ, какъ самостоятельныхъ юридически признанныхъ общинъ".

Въ заключеніе укажемъ на благодушный, радостный, праздничный можно сказать тонъ всего заявленія И. С. Аксакова, производящій доброе впечатлѣніе искренностію рѣчи и намѣреній и ревностію по вѣрѣ. Видно, что авторъ заявленія не желаетъ обиды никому и вполнѣ надѣется, что ее и не будетъ. Видно, что онъ ожидаетъ отъ похваляемаго и благословляемаго имъ постановленія московскаго губернскаго собранія чрезвычайно многаго и весьма благотворнаго для вѣры и церкви, ожидаетъ „обновленія церковной жизни чрезъ приливъ народной религіозной стихіи—упраздненія (какой-то) мерзости запустѣнія, гнѣздящей въ мѣстѣ святѣ".

При видѣ такого благодушія и праздничности тона заявленія И. С. Аксакова, при видѣ его несомнѣнной, нелицемѣрной ревности ко благу церкви и русскаго народа, право же жалко становится подвергать серіозной критикѣ то, что доставило ему такую радость и возбудило такія блистательныя надежды, жаль освѣщать это сведеніемъ его изъ сферы высокопарныхъ фразъ и возвышенныхъ идей общаго характера на почву реальныхъ вещей и реальныхъ отношеній между людьми. А что какъ окажется тогда, что надежды не имѣютъ никакого реальнаго основанія, что проэктъ московскаго земства не только не упразднитъ мерзости запустѣнія, царящей на мѣстѣ святѣ, но и усугубитъ ее, да еще и преобразивъ обманно видъ ея во образъ ангела свѣтла? Но это необходимо сдѣлать... хотя бы то изъ любви и уваженія къ внутренней правдѣ, лежащихъ въ корнѣ славянофильства.

Итакъ, при существующихъ въ Россіи церковныхъ и гражданскихъ отношеніяхъ, какое вліяніе окажетъ осуществленіе проэкта московскаго земства, принятаго по инициативѣ представителей славянофильства, на нашу церковную и гражданскую жизнь? Возвыситъ ли онъ силу и дѣйственность *истинохристіанскаго духа* (съ намѣреніемъ подчеркиваемъ эти слова) въ нашей церковной жизни? Это будетъ первымъ и самымъ главнымъ вопросомъ въ нашей критикѣ московскаго земскаго проэкта. Конечно, по поводу его намъ приведется коснуться болѣе или менѣе серіозно и многихъ другихъ вещей—правди-

вости, напр. фактическихъ указаній въ рѣчи Д. Ѳ. Самарина и въ заявленіяхъ И. С. Аксакова, вѣрности пониманія современными представителями сла-славянофильства основъ славянофильскаго ученія и т. п., необходимо будетъ также указать, какой строй приходской и епархіальной жизни наиболѣе соотвѣтствуетъ этимъ основамъ и, если не ошибаемся, благу церкви и русскаго народа.

(Продолженіе будетъ).

Рѣчь при погребеніи члена церковно-приходскаго Попечительства въ с. Нов.-Греблѣ, берд. уѣзда.

Четыре почти уже года, какъ я у васъ на приходѣ, православные! Не одинъ изъ васъ десятокъ душъ, и старыхъ и малыхъ, пришлось мнѣ за это время проводить въ замогильный покой. Провожалъ я и тѣхъ и другихъ обыкновенными молитвословіями церковными; усопшаго же, нынѣ предлежащаго, раба Божія *Іосифа*, я счелъ пастырскимъ долгомъ проводить въ загробную жизнь еще и отъ себя нѣсколькими напутственными словами.

Миръ душѣ твоей и покой вѣчный, почившій собратъ нашъ о Христѣ, не мало лѣтъ служившій сему св. храму, какъ членъ церковнаго Попечительства, и какъ вообще добрый прихожанинъ, принимавшій близко къ своему сердцу его нужды!*). Какъ настоятель сего св. храма, и какъ руководящій дѣйствіями церковно-приходскаго Попечительства, отъ всей души благодарю тебя за всѣ труды твои, которые понесъ ты въ своей должности. Труды твои извѣстны и безъ напоминанія всѣмъ твоимъ соприхожанамъ. Послѣднимъ плодомъ ихъ было то, что при твоемъ усердномъ стараніи, какъ члена Попечительства, сооруженъ и прекрасный, подобающій именно благолѣпію дома Божія, иконостасъ сей, предъ которымъ ты теперь лежишь бездыханнымъ въ своемъ гробѣ **). Господь нашъ І. Христосъ, обѣщавшій не забыть и малаго труда любви во имя Его, да наградитъ тебя за это на праведномъ Судѣ Своемъ.

Не могу также, братіе мои, умолчать предъ Вами и о той прекрасной чертѣ въ жизни почившаго, по которой Онъ, какъ послушный и усердный сынъ матери нашей церкви, всегда съ любовію и почти неопустительно посѣщалъ всѣ ея богослуженія. Душа его, полная любви ко святынѣ дому Господня, всегда *утреневала къ храму Святому сему*. Бывало, какъ рано, даже къ заутрени въ зимнее время, не приду я послѣ звона церковнаго, въ Божій храмъ, кого и кого нѣтъ еще въ церкви, а почтенный старецъ, нынѣ почившій, рабъ Божій Іосифъ уже стоитъ, еще часто въ сумрачномъ углу церковномъ, и шепчетъ уже свою молитву сердечную... Вѣрно крѣпко по душѣ пришлись покойному, и мною часто въ проповѣдяхъ церковныхъ припоминавшіяся вамъ слова Боголюбиваго пророка и царя Давида: *коль возлюбленна селенія твоя Господи силъ! желаетъ и скончавается душа моя въ дворы Господни*,—Радость и утѣшеніе для моего сердца, пристанище и упокоеніе для души моей, подобно какъ гнѣздо для горлицы пустынной, *Олтари твоя, Господи силъ, Царю мой и Боже мой!* Вотъ вамъ, возлюбленные и еще примѣръ, и еще назиданіе отъ жизни почившаго. Правда, къ утѣшенію моему, вы, почти всѣ, усердны къ храму Божію, но почившій все таки и въ этомъ случаѣ служилъ для васъ лучшимъ примѣромъ.

Что же сказать о почившемъ вообще, какъ о человѣкѣ? Скажу, и этимъ нисколько не отступлю отъ правды, что почившій, насколько я самъ зналъ его, отличался особенною кротостію и тихостію нрава—добродѣтелью сколько достолюбезною, столь, къ сожалѣнію, и рѣдкою теперь, въ нашъ вѣкъ самолюбивый и своекорыстный... И вотъ и еще черта изъ жизни почившаго, достойная вашего подражанія! Ибо сколько, какъ я доподлинно знаю, бываетъ между вами ссоръ, тяжбъ, а иногда и дракъ рѣшительно изъ—за пустяковъ!.. Не таковъ былъ почившій вашъ собратъ. Онъ готовъ былъ скорѣе уступить свое, чѣмъ войти съ кѣмъ въ ссору, *лишь бы*, какъ онъ самъ говаривалъ, *лихо было тихо*.. Вѣренъ былъ и въ этомъ случаѣ почившій слову Божію. *Научитеся отъ Мене, яко кротокъ есмь и смиренъ сердцемъ, и обрящите покой душамъ вашимъ* (Матѳ. 11, 29), сказалъ самъ Спаситель. Дѣйствительно, души кроткія и смиренныя,

---

*) Покойный, и прежде отличавшійся всегда усердіемъ къ церкви, въ послѣднее время, кромѣ члена Попечительства, проходилъ еще должность и церковнаго *ключника*, оставленную имъ не задолго до смерти, по случаю болѣзни, въ должности же члена Попечительства онъ считался по день самой смерти своей.

**) Иконостасъ сей, построенный исключительно на средства одного Попечительства, въ сельскомъ 6 кл. приходѣ можно назвать роскошью. Онъ стоитъ 2200 р. Кромѣ искусной работы и позолоты, всѣ св. иконы в. изящной живописи, писаны *собственоручно* кіев. гражд. *Мажнымъ*, извѣстнымъ своею добросовѣстною работою и по др. церквамъ бердич. и сквир. уѣздовъ.

по самому уже свойству своему, пользуясь возможнымъ спокойствіемъ еще здѣсь на землѣ (говоримъ возможнымъ, ибо совершенный покой не тутъ, а тамъ!...), сподобляется, по нелжному обѣщанію Божію, и вѣчнаго блаженнѣйшаго покоя на небѣ; ибо *блажени кротціи, яко тіи наслѣдятъ землю*, т. е. царствіе небесное. *Аминь*.

С. Нов. Гребли Свящ. *Григорій Шиманскій*.

Поясненіе касательно постоялаго двора въ оградѣ кіево-софійскаго собора. (Помѣщенное въ 15 № газеты „Заря"). Въ одномъ изъ номеровъ „Зари" за 1880 годъ напечатано, что въ оградѣ софійскаго собора, въ принадлежащемъ собору зданіи, помѣщается кабакъ подъ вывѣской „трактиръ", при чемъ сдѣланы разныя замѣчанія о неприличіи кабака въ церковной оградѣ. Статья о семъ перепечатана нынѣ и въ № 8 москов. газеты „Русь" съ новыми замѣчаніями по сему предмету, направленными противъ соборнаго причта.

Въ этомъ извѣстіи вѣрно только то, что по Троицкой улицѣ, въ сѣверовосточномъ углу софійской ограды, имѣется постоялый дворъ, извѣстный подъ именемъ «софійскихъ номеровъ», отдѣленный отъ соборнаго двора двумя усадьбами, изъ которыхъ въ одной—садъ и домъ соборнаго причта, а въ другой—кузница съ экипажной мастерской, и что въ одномъ изъ номеровъ этого постоялаго двора, отстоящаго отъ соборнаго погоста на 30 саженей, между булочной и бакалейной лавкой, помѣщается харчевня подъ титуломъ „трактиръ", обращенная фасомъ на троицкую улицу и отстоящая отъ софійскаго собора на 60 саженей. Постоялый этотъ дворъ софійскому собору не принадлежитъ и въ вѣдѣніи соборнаго причта не состоитъ.

Каѳедральный протоіерей софійскаго собора *П. Лебединцевъ*.

Замѣтка достоуважаемаго о. протоіерея достаточно объясняетъ сущность дѣла. Въ поясненіе послѣднихъ словъ въ замѣткѣ присовокупимъ, что помѣщенія, о которыхъ здѣсь рѣчь, принадлежатъ экономіи митрополитанскаго дома, имѣвшей не одинъ разъ и не мало хлопотъ съ ихъ наемщиками и обитателями. Была уже высказываема мысль объ устраненіи подобнаго рода наймовъ, доставляющихъ экономіи гораздо болѣе хлопотъ, даже непріятныхъ, чѣмъ выгодъ. Но за этою мыслію всегда могла выступить другая—о томъ, какое могло бы быть дано назначеніе указанной мѣстности, находящейся въ весьма благопріятныхъ условіяхъ, но теряющей цѣну, даже тяготящей экономію по своей давней и крайней запущенности. Возможно впрочемъ, что совокупными усиліями экономіи и представителей каѳедральнаго причта, которымъ очень подручно принять участіе въ завѣдываніи означенною мѣстностію, найденъ будетъ способъ обратить ее на какое либо полезное епархіальное учрежденіе при каѳедральномъ соборѣ.

Профессоръ *И. Малышевскій*.

Содержаніе Трудовъ Кіевской Духовной Академіи за январь 1881 года: I. Блаженнаго Августина, епископа иппонійскаго (въ русскомъ переводѣ) О градѣ Божіемъ, книга восьмая 1—60. II. Изъ чтеній по догматическому богословію. *Архимандрита Сильвестра*. 2—58. III. Происхожденіе человѣка. *Ѳ. С. Орнатскаго*. 59—79. IV. Несторій и Евтихій, ересіархи V-го вѣка. *Амедея Тьери*. 80—110. V. Двадцатилѣтіе журнала „Труды Кіевской Духовной Академіи" (1860—1879 гг.). *И. Н. Королькова*. 111—123. VI Извѣстія церковно-археологическаго Общества при Кіевской Академіи (за ноябрь 1880 г.). *Н. И. Петрова*. 124—130. *Въ Приложеніи:* V. Протоколы засѣданій Совѣта Кіевской Академіи (16 и 28 августа, 1 сентября 1880 г.). 1—32. VII. Объявленія.

Вышелъ въ свѣтъ № 4 Воскреснаго Чтенія. Содержаніе его слѣдующее: Быть или не быть? (Продолженіе).—Святитель Григорій Богословъ.

Печатать дозволяется. 28 января 1881 г. Кіевская Духовная Академія.
Кіевъ. Типографія Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайловская улица, собств. домъ.